
О ФИЛОСОФСКОМ КОНГРЕССЕ В ТУРЦИИ

Л. Е. ГРИНИН

МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ: ЗАМЕТКИ О XXI ФИЛОСОФСКОМ КОНГРЕССЕ

В шесть часов утра раздался стук в каюту. Это нас будили посмотреть, как корабль входит в Босфор. С верхней палубы были прекрасно видны оба берега узкого пролива. Дома по берегам становились все плотнее. Многие из них располагались у самого берега и – просто удивительно – практически на одном уровне с водой. Мы проплывали по середине огромного 15-миллионного города, раскинувшегося между Европой и Азией. Здесь нам суждено было провести 8 дней.

«Мария Ермолова» оказалась выдавшим виды судном. По словам помощника капитана, она была чуть не единственным пассажирским теплоходом, приписанным к Новороссийску. В былые времена корабль ходил по северным морям и даже в Антарктику. Конечно, он принимал на свой борт много разного народа. Но, вне всякого сомнения, таких пассажиров ему еще возить не приходилось. И наверняка больше не придется никогда. Это был «философский пароход», который вез российскую делегацию на XXI Всемирный философский конгресс в Стамбул в августе этого года.

Редкий случай, когда хорошая идея (руководства Философского общества РФ) быстро воплотилась в жизнь. И еще более редкий случай, когда из хорошей идеи получилось не «как всегда», а хорошо. И какие бы ни были остальные впечатления о конгрессе, я думаю, что пребывание на борту этого судна в компании 130 россиян и не-

скольких «примкнувших к ним» граждан республик СНГ останется у большинства наших «конгрессменов» самым ярким впечатлением.

В известной степени жизнь на судне оказалась малым съездом, «конгрессом в конгрессе», потому что время в пути было очень насыщенным интересными встречами, мероприятиями, «круглыми столами», презентациями, дискуссиями. Все дни пребывания в Стамбуле мы жили на нашем судне, как в гостинице. Поэтому «пароходная» научная жизнь продолжалась и во время конгресса, только еще добавились встречи с иностранцами.

Всемирный конгресс – огромное мероприятие. Естественно, что каждый участник может увидеть только его частичку. Поэтому обмен мнениями в перерывах между работой секций, в неформальной обстановке, за столом, в автобусе, на экскурсиях и, конечно, на общих пароходных встречах помогал добрать нужную информацию, составить более глубокое и верное впечатление. Однако все, что я здесь пишу, не более, чем мое личное, и в чем-то – вполне допускаю – субъективное мнение.

Здание, отведенное под заседания философов, не было столь шикарным, как многоэтажные современные отели в Бостоне, где пять лет назад проходил XX философский конгресс. Но, на мой взгляд, оно отвечало всем необходимым требованиям. Странно только, что жители Стамбула мало знают это строение. И, поскольку оно располагалось около военного музея (весьма интересного, кстати, особенно когда там появлялись живые солдаты в экзотической форме), даже таксистам приходилось указывать именно музей как ориентир. В первый же день мы убедились, что Турция – страна полицейская. Рядом со зданием Конгресса все было оцеплено. И поскольку мы еще не знали дороги домой, это оказалось весьма неудобным для нас. Как нам объяснили, причиной вроде была проходившая где-то рядом свадьба сына то ли министра, то ли даже премьер-министра. Но, справедливости ради, отмечу, что ни о каких жалобах на полицию со стороны участников конгресса мне слышать не приходилось.

Как театр начинается с вешалки, так конгресс начинается с регистрации. Хотя толчеи и очередей хватало, в целом это мероприятие прошло нормально. Конечно, как всегда бывает, кого-то забыли внести в списки. Но организаторы старались все уладить.

Пленарные заседания и их тематика – это как бы лицо Конгресса. Напомню, что тема этого конгресса – *Философия лицом к мировым проблемам*. Но тех, кто надеялся услышать новое слово в философии именно с общей трибуны, ждал глубоких мыслей и наблюдений или даже только какой-то очень важной информации именно от выступающих на пленарных заседаниях, ожидало разочарование. Глубина докладов выступающих оставляла желать лучшего. Порой выступление перед сотнями профессиональных дипломированных философов напоминали лекцию для студентов. Я не раз слышал от наших коллег выражение удивления, обиды и просто раздражения по этому поводу. Эти чувства усиливались еще и тем обстоятельством, что доклады на пленарных заседаниях переводились (правда, качество перевода было не лучшим), а на секциях – нет. Поэтому те россияне, которые не владели языком, основное впечатление о зарубежной философии получали именно от пленарных докладов.

Я, впрочем, был готов именно к такому положению, поскольку испытал подобное разочарование пять лет назад. Это был уже мой второй конгресс, поэтому мне было с чем сравнить. Общим было то, что никаких фундаментальных новых идей с главной трибуны выдвинуто не было ни в Бостоне, ни здесь, в Стамбуле. Но, может быть, «большая философия» и не делается на пленарных заседаниях. Во всяком случае, мне кажется, что есть некоторые причины, способствующие такому прозаическому течению событий. Ведь это официальная часть мероприятия, состав выступающих определяется, прежде всего, какими-то «дипломатическими» или протокольными причинами и обстоятельствами. Например, влиятельностью тех или иных национальных философских обществ, членом комитета, очеред-

ностью и т. п. Поэтому научная новизна является делом как бы второстепенным. Да и выступление перед такой аудиторией – дело ответственное, поэтому докладчики предпочитают брать привычные и многократно апробированные темы. Кроме того, когда вопрос касается современности, совсем не просто концептуально описать это новое в его полноте. Кому как ни философам знать, что «большое видится на расстоянии».

Однако имелась разница между пленарными выступлениями в Америке и здесь, в Турции. Оглядываясь назад, можно сказать, что 1998 был годом несколько иной эпохи, событием, происходившим до определенного рубежа, когда еще не произошли трагедии 1999 года в Югославии, 2001 года в Нью-Йорке, 2003 – в Ираке. Настрой участников был иной, более уверенный в правильности течения мировых событий, более «благодушный», что ли. Возможно, поэтому выступления носили более академичный или прикладной характер, например, о проблемах перевода философских текстов. А, может быть, меньшая политическая острота пленарных выступлений в Бостоне определялась и темой того конгресса – *Философия в воспитании человечества*.

Вспоминается также, что из-за засилья американцев (как хозяев) часть выступлений носила «домашний» американский характер: по поводу того, например, как преподают философию в университете Бостона или – это особенно странно – почему для черных и цветных до сих пор не создана особая философия. Только подумать, философы всегда стремились создать универсальное учение. А тут дай особую философию для негров.

По счастью, в Турции расовая проблема не поднималась. Но очень активно дебатировался вопрос о гегемонии Америки в мире, о недопустимости двойных стандартов, о неправомерности нападения на Ирак, о международном праве, о проблемах современной демократии и т. д. Приведу темы нескольких докладов: «Навстречу глобальной демократии», «Права человека, государство и международ-

ный порядок». Были и пленарные симпозиумы, посвященные правам человека¹. Некоторые наши коллеги возмущались, называя такие выступления политинформациями. В чем-то они, конечно, были правы. Но мне кажется, лучше уж такие «политинформации», чем пустые и совершенно оторванные от реалий жизни выступления. Во всяком случае, было видно, что война в Ираке всколыхнула многих жителей западных стран и вызывает их недовольство. В этом плане конгресс вполне отвечал своему девизу – *Философия лицом к мировым проблемам*.

Однако вновь повторюсь, большинство пленарных выступлений не было действительно (истинно) философского типа. Даже доклад наиболее именитого докладчика Юргена Хабермаса «*Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному сообществу*» не носил новаторского теоретического характера. Хотя, на мой взгляд, ряд его мыслей, бесспорно, заслуживает внимания (о глобализации, о движении к постнациональному сообществу, о том, что национальные государства все более сталкиваются с проблемами, требующими международной кооперации; о том, что линии современного развития взламывают национальные границы и т. п.). «Государства все сильнее оказываются втянутыми в сети все более и более взаимосвязанного мирового сообщества, функциональные различия которого неумолимо и без спроса нарушают национальные границы» – говорится, например, в его докладе².

Но нельзя сказать, что это совершенно новые мысли. Об этом много (и часто более глубоко) говорят. Мне и самому приходилось писать на эти темы³. Однако это верные идеи.

---

¹ Стоит особо отметить доклад о критике гегемонии США и международном порядке Айрис Йонг из США. Для всех было неожиданно, что именно представительница этой страны подвергла ее резкой критике за войну в Ираке. Были и довольно провокационные выступления, например, итальянца Жианни Ваттимо «Конец философии в век демократии».

² С. 11 его доклада. Некоторые пленарные доклады раздавались в пресс-центре. И это было очень хорошо. В Бостоне, если я не ошибаюсь, такой практики не было.

³ См., например: Гринин Л. Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета // *Философия и общество*. № 4 – 1999. С. 5–44.

И чтобы хоть как-то представить последствия данных процессов для национального самосознания, для адекватного определения места любой страны (и России) в современном меняющемся мире, их нужно повторять как можно чаще с самых разных трибун.

Конгресс – это огромное мероприятие, но в то же время каждая секция в какой-то мере варилась в своем соку. Поэтому трудно судить о целом мероприятии по своим только впечатлениям. Тем не менее я попробую систематизировать и сформулировать некоторые наблюдения.

Первое. Мне показалось, что на секциях было гораздо больше гостей (т. е. тех, кто приходил из других секций послушать), чем в Бостоне. Во всяком случае, на моей секции «*Философия истории*» случилось именно так. Я был буквально поражен, когда взглянул на аудиторию перед моим выступлением. Сидело не менее 50–60 человек. А я, исходя из предыдущего своего опыта, заготовил дома всего 15 копий доклада и то еще полагал, что этого окажется много. Естественно, копий всем желающим не хватило.

Второе. Но – тут я сужу со слов российских философов-естественников, которые говорили об этом на обсуждении итогов конгресса на нашем пароходе, – это некоторый сдвиг интересов в философии от естественнонаучных к гуманитарным проблемам. Хорошо это или плохо, нельзя сказать. Так случилось. Но для людей, которые занимаются этими гуманитарными и философско-историческими проблемами, – это добрый знак востребованности нашей работы, роста интереса к ней.

Мне, конечно, трудно судить, насколько силен такой сдвиг в сторону гуманитарных проблем. Однако то, что он достаточно существенен, говорит даже беглый анализ соотношения числа секций «гуманитариев» и «естественников». Кое-что было видно и по нашей секции «*Философия истории*». В Бостоне эта секция оказалась в загоне, людей на ней было мало, а чтобы все уложить в один день, организаторы просто вычеркнули некоторые выступления.

В Стамбуле и длительность работы секции была больше, и выступающих больше.

Еще одним свидетельством указанного сдвига интересов является рост внимания к проблемам, которые почему-то упорно пытались выбросить за борт философии, в то же время ничего действительно альтернативного не предлагая. Я выступал с докладом именно на подобную тему: *«Еще раз к вопросу о роли личности в истории»*. Я полагаю, что это вечная проблема философии истории. Пока есть история и пока есть люди, которые ее делают, вопрос всегда актуален. Тем более что технические возможности влияния людей на ход истории возрастают постоянно, а, следовательно, меняется и роль личности. Но если в нашей философии интерес к таким проблемам стал снижаться не так давно, то в западной он уменьшился гораздо раньше. Однако доклад вызвал достаточный интерес у аудитории, в том числе и у иностранцев (с некоторыми я беседовал в перерывах между заседаниями об этом).

Третье. Рост интереса к теме глобализации, которой было посвящено много внимания. Рост очень заметный по сравнению с Бостоном и тем более (по словам знающих людей) с московским конгрессом. В некотором смысле наиболее подготовленной оказалась наша делегация, поскольку российское философское общество в сотрудничестве со многими российскими и зарубежными авторами издало прямо перед Конгрессом *Энциклопедию* по проблемам глобалистики на русском и английском языках. В один из дней была презентация этих изданий. Возможно, правы некоторые наши философы, которые считают, что привлечение внимания к теме глобализации и является главной заслугой стамбульского конгресса.

Рост внимания к этой проблеме, на мой взгляд, в чем-то отражает и наличие вышеуказанного сдвига интересов к гуманитарным проблемам. И в самом деле, разве глобализация – это не явление, теснейше связанное с ходом исторического процесса? Ведь недаром идут споры (они были и на конгрессе) о начале процесса глобализации. Этот момент,

действительно, трудно определить: началась ли она только в XX веке, или в период великих географических открытий, или, может быть, уже с «осевого времени» Карла Ясперса. Разумеется, проблемы глобализации не менее связаны и с естественными науками (прежде всего через экологию).

Состав участников был очень пестрым, но, конечно, особенно много было турок. Говорят, в большом количестве присутствовали американцы. Однако россиян и жителей СНГ также приехало немало. Это лишний раз подтвердило, что наши люди умеют выкручиваться при любых обстоятельствах, находить деньги, несмотря на скудость научных бюджетов.

Всегда важный на таком «вавилонском столпотворении», как конгресс, вопрос о языках. Проблема языка для большинства наших философов была одной из самых сложных. Очень неприятное состояние – не понимать того, что говорят на конгрессе, не иметь возможности пообщаться с коллегами. Человек чувствует себя ущемленным. Но, понятно, ничем другим, кроме как учить иностранные языки, помочь тут нельзя. Со времени конгресса в Бостоне я старался по мере возможности заниматься английским. И хотя мои успехи в этом направлении остаются более чем скромными, все же в этот раз я чувствовал себя намного комфортнее, чем в Америке.

Формально (кроме турецкого) основные рабочие языки в Стамбуле были те же, что и в Бостоне. Но в Америке английский не просто преобладал, он безраздельно господствовал. Здесь было демократичнее. Возникали даже забавные сцены. Например, на второй день работы нашей секции получилась следующая картина⁴. Англоязычных докладчиков почти не осталось. Председательствовал француз Бернард Буржуа, который, вероятно, либо не знал английского, либо из-за французского гонора не хотел говорить на нем. Зато собралось много русскоязычных и турецких философов. И вот сначала на трибуну выходят один за другим два

---

⁴ Я выступал в первый день.

или три наших докладчика и выступают на русском языке. Затем на русском же идет активное обсуждение этих докладов. Все остальные сидят, ничего не понимают и начинают заметно скучать. Председатель время от времени что-то говорит на французском, который тоже мало кто понимает. Но вот дошла очередь до туркоговорящего докладчика. К этому времени на секцию пришло много турок – поддержать своих. Теперь уже мы сидим, ничего не понимаем и скучаем, а председатель время от времени спокойно делает какие-то комментарии на французском. Естественно, что все англоговорящие люди не выдержали и «дезертировали».

В заключение своих наблюдений еще несколько менее важных, но интересных деталей. Это касается организации конгрессов. К организации всегда много претензий, причем, как правило, претензий справедливых. Но при том, что и в Бостоне, и в Стамбуле были досадные промахи, все же турецкие хозяева были гораздо более гостеприимны, чем американские. Это гостеприимство выражалось в чем-то повосточному, а в чем-то напоминало подготовку к подобным мероприятиям в СССР. В частности, открывали Конгресс музыкой (игрой на фортепиано) и закрывали музыкой и танцами. Несомненно, также, что для Турции такое событие выглядело намного более важным, чем для США. Поэтому на открытие конгресса пришел даже президент страны.

* * *

Теперь (как и любой турист) не могу удержаться от нескольких наблюдений. Стамбул – огромный город. Тут есть, что посмотреть русскому человеку. Ведь это с детства всем известный Царьград, место, откуда к нам пришла культура. Конечно, тут много туристов и много различных фирм занимается их развлечением. Они завязывают тесные связи с определенными лицами или организациями, которые как бы «поставляют» им туристов. Установились подобные отношения и между офицерами нашего парохода и одной из таких фирм. Благодаря этому желающие могли

совершить несколько экскурсий⁵. Но, в отличие от фешенебельной Анталии, Стамбул – это, прежде всего торговый город⁶. Я не говорю уже о восточном базаре и о том, что везде полно торговцев. Но целые кварталы заняты какими-то лавками и мастерскими. При этом часто они были совершенно пустыми. Вероятно, они оживают во время приезда челноков или при аналогичных событиях.

Однако турки не только любят торговаться, но и считают своим долгом «нагреть» иностранца, если только выпадает для этого малейшая возможность. Например, я сам был свидетелем того, как таксисты, принимая от клиента долларовые купюры (пяти-, десятидолларовые и т. д.) ловко подменяют их однодолларовой. А затем уверяют человека, что он ошибся и дал один доллар вместо пяти или десяти. Одного из наших участников пытались так надуть даже со стодолларовой бумажкой. К счастью, он уже был знаком с таким фокусом и не растерялся. Поэтому приходилось держать ухо востро.

* * *

Конгресс в городе между Европой и Азией заканчивался. Он должен был передать эстафету следующей всемирной встрече через пять лет. «Король умер, да здравствует король!» Вокруг того, где будет проходить новый форум, кипели страсти. Очень активно агитировали греки. Как ни странно, Афины – эта колыбель западной философии – до сих пор не удостоились чести принимать съезд философов мира, хотя некоторые города (например, Париж) делали это дважды. Но Греции не повезло. Местом следующего проведения Конгресса стал южнокорейский Сеул. Симптоматично, что до 2003 года ни одна азиатская страна не стала местом проведения такого конгресса (в основном это были европейские страны и несколько раз американские). Турция

---

⁵ В том числе и на Принцевы острова, где одно время после депортации из СССР жил Лев Троцкий. Между прочим, на этих островах запрещено автомобильное движение, и жители ездят на лошадях.

⁶ И промышленный, конечно, но мы жили не в этой его части. К слову сказать, именно в Стамбуле, прежде всего, обосновались филиалы многих ведущих европейских промышленных гигантов, которые активно инвестируют в Турцию.

оказалась первой, хотя, строго говоря, конгресс проходил между Европой и Азией. Но теперь, кажется, географически философия двинулась с Запада на Восток.